

Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда № 24-28-20036, <https://rscf.ru/project/24-28-20036/>

Acknowledgements:
The work was supported by the Russian Science Foundation; Project No. 24-28-20036, <https://rscf.ru/project/24-28-20036/>

Деревянное зодчество – особое, самостоятельное направление русской традиционной архитектуры. В его качестве и разнообразии оно представлено в России. Это общенациональная архитектура, которая впитала в себя мифопоэтическое и христианское мировоззрение народа. Понятие «Русский Север» отражает также значительную «русскость» региона: здесь были выработаны все те формы деревянного зодчества, которые в течение веков непрерывно влияли на всю совокупность русского искусства. Деревянный храм – вершина культуры, ее знаковое наследие. Самые лучшие культовые постройки были созданы и сохранились на Севере.

Ключевые слова: деревянное зодчество; русская традиционная культура; храм; идентичность, Русский Север; православие. /

Wooden architecture is a special independent direction of the Russian traditional architecture. It is represented in Russia in its unique quality and diversity. This is truly a national architecture that has absorbed the mythopoetic and Christian worldview of the people. The concept of “Russian North” reflects the significant “Russianness” of the region. Here, all those perfect forms of wooden architecture were developed to continuously influence the entirety of Russian art for centuries. A wooden temple is the pinnacle of culture, its iconic heritage. The best religious buildings were created and preserved in the North.

Keywords: wooden architecture; Russian traditional culture; temple; identity; Russian North; Orthodoxy.

Деревянный храм как маркер русской традиционной идентичности / Wooden temple as a marker of the Russian traditional identity

текст

Анна Пермиловская
Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н. П. Лаврова УрО РАН (Архангельск)

text

Anna Permilovskaya
N. P. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the RAS (Arkhangelsk)

В основе исследования – эмпирический полевой материал 36 архитектурно-этнографических экспедиций, где было обследовано более 370 деревень; 2 авторские методики по обследованию памятников деревянного зодчества, исторических поселений как объектов культурного наследия (с созданием историко-культурного опорного плана); многолетний опыт работы по формированию музея деревянного зодчества «Малые Корелы». Другая значительная часть материала была собрана в архивах и музеях Архангельской, Вологодских областей, Карелии, Москвы, Санкт-Петербурга, Ненецкого автономного округа. В исследование вошло также изучение скансенов России и Западной Европы, памятников народной архитектуры «in situ» (рис. 1).

Культовая народная архитектура в русской истории послужила фактором адаптивного механизма освоения, организации и защиты жизненного и сакрального пространства при заселении новых территорий России: Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера, Арктики. Деревянное храмостроительство выполняло

функцию «движущейся» архитектуры, а храмы, колокольни и кресты выступали навигационными знаками, которые были нанесены на лоцманские карты поморов. Работа помогает понять целостность русской культуры, в которой памятники народной архитектуры являются уникальными артефактами, с помощью которых осуществляются преемственность и национальная идентификация этноса.

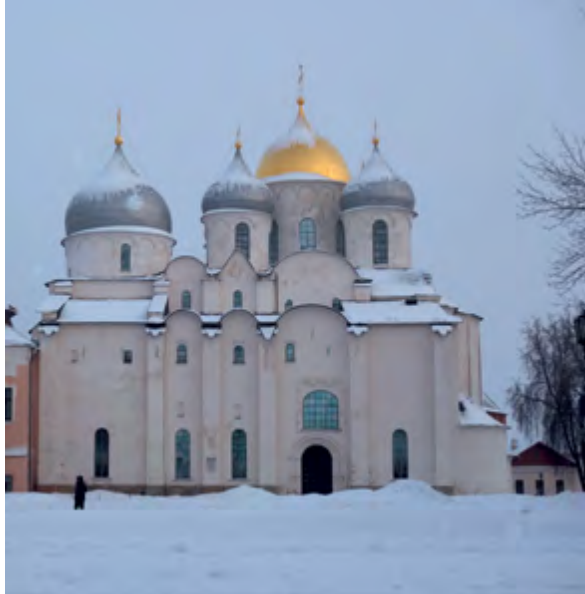
Русское деревянное зодчество как по масштабу распространения, так и по многообразию архитектурных решений и форм не имеет аналогов. Уникальная деревянная цивилизация, развивавшаяся в течение многих столетий, выступает своеобразной визитной карточкой культуры страны и региона – Русского Севера, где более всего она сохранилась и представлена. Это поистине общенациональная архитектура, которая впитала в себя мифопоэтическое и христианское мировоззрение народа. Я рассматриваю Север как модель русского мира, в котором особенности культуры определяют ее детерминированность традициями древнерусской

> Рис. 1. Музей деревянного зодчества «Малые Корелы». Фото Н. Чеснокова. Из архива автора

> Рис. 2. Храм Св. Софии. Конец X в. Великий Новгород. Возможная реконструкция (www.liveinternet.ru)

^ Рис. 4. Великий Новгород. Софийский собор. 1045–1050. Фото автора

^ Рис. 5. Великий Новгород. Софийский собор. Уровень пола Мартирьевской паперти. XI в. Фото автора

культуры, а в качестве предметного воплощения выступает культурный ландшафт северной деревни. Научная новизна исследования заключается в том, что оно уходит от простой описательности культовой архитектуры. Автор вводит в круг отечественной истории, этнологии и этнокультурологии северное деревянное храмостроительство, в котором сконцентрирован образ русского деревянного храма. Русский Север – это особый культурный ареал, где национальная самобытность сохранилась в качестве, близком к ее истокам. А северная традиционная культура несет особый «русский генетический код», передающийся из поколения в поколение [1]. Первые храмы Древней Руси строились из дерева. Храмовая архитектура как вид искусства имеет своеобразный профессиональный язык, она «говорит» на языке архитектурных форм, в котором символически заключена традиционная картина мира человека и его религиозная доктрина. Именно в православном деревянном храме наиболее ярко проявляются особенности народного мировоззрения, где определяющее место принадлежит христианству и мифопоэтическому миропониманию. Поэтому смысл и значение архитектуры храма можно уяснить, рассматривая его с нескольких позиций: культуры и искусства, истории и этнологии, богословия и религиоведения (рис. 2).

Традиции Византии с установившимися основными формами плана и составляющих элементов были всецело приняты зодчими Руси и оставались неизменными на протяжении столетий. Но деревянное храмостроительство развивается своим путем и постепенно приобретает черты яркой национальной индивидуальности. Широкому творчеству в строительстве деревянных храмов способствовали, во-первых, значительная трудность передачи в дереве архитектурных модулей каменных храмов, во-вторых, то обстоятельство, что греческие мастера никогда не строили из дерева. Русские мастера проявили большую изобретательность, так как к этому времени уже были выработаны определенные конструктивные приемы в светской архитектуре, и эти формы смело применялись в деревянном храмостроительстве (рис. 3).

В исследовании проанализировано устройство храма. Церковь – это тело Господа, воплощенное в храмовой геометрии: алтарь, кафоликон, трапезная, что нашло

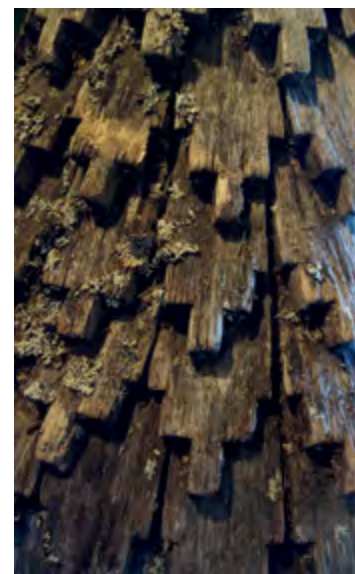
воплощение в главной концепции христианства «храм как образ устройства мира». В качестве образцов организации крестово-купольных храмов можно привести примеры знаковых для христианства и русского православия зданий: Св. Софии в Константинополе (VI в.), Св. Софии в Киеве (1037), Св. Софии в Великом Новгороде (1045–1050) (рис 4, 5).

На обширной территории древнерусского государства монументальные храмы возводились строительными средневековыми артелями («дружины»), которые включали мастеров разных специальностей («мастеров всяции») и возглавлялись главным мастером – зодчим («здателем», иногда «хитрецом» или «архитектором») [2, с. 246–252]. Во времена монголо-татарского ига выдавались ханские ярлыки: «Мастера трогать нельзя – Мастер избранное лицо, Богом хранимое, и если его тронуть, то Бог накажет монгола. А что будут церковные люди, ремесленники или писцы, или каменные здатели или дровяные или иные мастера, каковы не буди, и в наши никто не заступаются и наше дело не емлют их» [3, с. 16].

Древнерусское храмостроительство нельзя безоговорочно отнести к профессиональной архитектуре из-за отсутствия в нем важнейшего атрибута последней – чертежа как средства накопления и обработки информации. Профессиональные архитектурные чертежи, основанные на правилах масштабного проекционного черчения, появляются в России лишь в начале XVIII в. Кроме того, при средневековой артельной организации труда деятельность зодчих не персонифицировалась, оставаясь, как правило, анонимной, а создателями храмов считались заказчики-князья и, реже, церковные иерархи, чьи имена увековечивались в летописях (рис. 6).

Для наиболее значимых храмов Русского государства выполнялись чертежи, но даже в XVII в. для большинства культовых построек чертеж был исключением и, как правило, заменялся накопленным опытом и ссылкой на «образец» [4, с. 56].

В деревянном храмостроительстве исследователи отмечают «совершенное незнакомство с искусством чертежа и чтением чертежей у русских плотников» [3, с. 22]; это была действительно народная дере-

^ Рис. 3. Городчатый лемех. Конец XIX в. Из собрания Национального парка «Кенозерский». Фото автора

^ Рис. 8. Церковь Николая Чудотворца. XVII в. Д. Мякишево (Хвойнинский р-н, Новгородская обл.). Музей деревянного зодчества «Витославицы». Фото автора

^ Рис. 7. Церковь Троицы Живоначальной. 1672–1676. Реконьская пустынь (Любытинский р-н, Новгородская обл.). Музей деревянного зодчества «Витославицы». Фото автора

вянная архитектура. В 1970-х годах архитектор А. А. Тиц справедливо заключил, что профессиональные приемы зодчих Руси изучены слабо, да и в начале XXI в. они еще во многом представляют terra incognita. «Нашему современнику трудно представить, как даже опытный зодчий может приступить к размерению основания без каких-либо графических схем или предварительных набросков. В этом случае он должен держать в голове не только общую объемно-пространственную композицию, но все размеры и их соотношения, а также способы геометрического построения задуманной архитектурной формы» [5, с. 10]. У древнего зодчего были запас определенных типологических схем и освоенный метод их принципиального построения, а также прием наборов взаимосвязи частей и целого. Правда, документального подтверждения этой начальной стадии создания православного храма не сохранилось

В ряде случаев использовалась деревянная модель или глиняный муляж. Например, в 1623 году плотник Савка Михайлов был пожалован сукном «за Калужское городовое дело, что он Калужскому городу образец делал». На существование деревянных моделей-образцов указывает и легенда о костромских плотниках, «подаривших костромскому удельному князю тщательно сделанную из дерева модель, <...> которая долгое время хранилась в роду князей, пока один из них не подарил

ее иностранцам. А чтобы не обидеть плотников, князь наградил их землей и льготами» [4, с. 74–75] (рис. 7, 8).

На Русском Севере заказчиками (храмоздателями) строящихся храмов в большинстве случаев являлись крестьяне (волостной мир), а подрядчиками – плотнические артели, состоящие из местных жителей или включавшие их в качестве наемных рабочих – «помощников». Во главе артели стоял староста, который заключал договор с нанимателями и руководил всей постройкой, исполняя, таким образом, функции архитектора.

Уникальные по технике строительства и редкие по красоте мезенские храмы «шатер на крещатой бочке», вероятно, строила одна артель, использовавшая общие приемы в строительстве культовых сооружений и передававшая свой опыт следующим поколениям. Поэтому не случайно, что церкви Юромы и Кимжи особенно близки по конфигурации плана и по внешним формам. Оба храма близки настолько, что с первого взгляда трудно найти заметную разницу. Однако Юромская церковь больше и выше, ее крыльцо вынесено от стены притвора на значительно большее расстояние. Кроме того, в отличие от Одигитриевской церкви, стоящей на ровном месте, Юромская была поставлена на высоком берегу реки Мезень. «Первый плотник, который ту церковь (Кимженскую – А. П.) строил и с мирскими людьми рядился» был местный житель д. Лампожня – Иев Прокопьев, выступавший как руководитель артели [6, с. 417] (рис. 9, 10).

При строительстве деревянных храмов Русского Севера указывалось на то, что архитектурный облик новой церкви должен соответствовать традиции и старым образцам, культовые постройки возводились «по подобию», что зафиксировано в порядных документах.

Традиция копирования предустановленных образцов уходит в глубокую древность, когда она имела магический смысл. Известно, что одним из основных видов магии была имитация, подражание. «Христианство не уничтожило, но преобразовало языческую культуру, наполнило ее новым возвышенным содержанием. Народу <...> были даны новые образцы, но смысл их копирования и тиражирования оставался во многом тем же: копирование во имя приобщения к священному оригиналу.

> Рис. 6. Плотнические инструменты. Из собрания Национального парка «Кенозерский». Фото автора

^ Рис. 9. Одигитриевская церковь. 1709. С. Кимжа (Мезенский р-н). Фото Н. Чеснокова. Из архива автора

^ Рис. 10. Церковь Михаила Архангела (сгорела в 1930-е). 1685. С. Юрома (Лешуконский р-н). Из архива автора

Рудименты древнего магического отношения к воспроизведению предустановленных образцов улавливаются в изобразительном и прикладном искусстве, в архитектуре и градостроительстве вплоть до Новейшего времени» [7, с. 190–191].

О высоком уровне организации плотничьих работ свидетельствует также распространение на Руси «обыденных церквей», т. е. церквей, строившихся по обету «во один день». Подобный подход к строительству заключал в себе глубокую сакральную семантику. Обыденность несет в себе временную ограниченность: на изготовление определенного предмета (чаще всего им выступало полотенце) отпускается один день или одна ночь. Среди этих ритуальных символов особое значение в контексте нашего исследования имеет строительство «обыденных» храмов и часовен. От начала их постройки и до освящения должен пройти только один день, ночь (одни сутки), но с соблюдением всего технологического процесса. В семантике «обыденности» заложен признак спрессованного времени. В знаковости временной шкалы основными являются макроединицы: век, год, день. Именно такое время занимают описанные тексты или воспроизводимые в ритуале события. Однако в реальности текста и ритуала время спрессовывается в масштабе «день за год». Это характерно для магических ритуалов охранительного характера. Компрессия времени является главным магическим приемом действий по изготовлению обыденных, в один день или одну ночь, предметов: полотна, рубахи, полотенца, креста, часовни, храма [8, с. 109–116].

Обычай строить по обету (единодневные, «во один день») церкви для избавления страны, города или деревни от общественного бедствия – очень древний. Первый пример обетной церкви, а может быть, и обыденной, относится ко времени великого князя Владимира, к 996 году. Спасаясь от преследовавших его печенегов, великий князь принужден был скрыться под мостом и дал обет построить церковь в случае избавления от угрожавшей ему опасности. По удалении печенегов он немедленно исполнил свой обет: «поставил церковь и створи праздник великий». Этот же церковный источник называет главными причинами построения обыденных церквей

мор и моровые поветрия. По новгородским летописям можно насчитать восемь случаев строительства обыденных церквей с 1390 по 1553 год в Новгороде и пять случаев с 1407 по 1552 год в Пскове [9, с. 6–7].

В мифопоэтических и религиозных системах крест – один из наиболее распространенных символов, нередко функционирующий как знак высших сакральных ценностей. «Во многих культурно-исторических традициях крест символизирует жизнь, плодородие, бессмертие, дух и материю в их единстве, активное мужское начало; с крестом связывается идея процветания, удачи. Это позволяет объяснить ту важную роль, которую играет крест в ритуале и ритуализированном поведении, в магии, народной медицине, гаданиях, волшебстве, в архаичном искусстве и в быту» [10, с. 12–13] (рис. 11, 12).

Символика мирового дерева и креста занимает центральное место в традиционной культуре и христианстве, они моделируют «пространство и время концепцию мира. При этом мировое дерево означает ось мира и сам мир» [11, с. 41]. В русском деревянном зодчестве получили широкое распространение отдельно стоящие обетные и памятные кресты, своей формой и искусной деревянной резьбой символизирующие одновременно древо жизни и крест. Одним из важнейших символов христианства и других древних культур и религий был крест, вписанный в круг. В ряде случаев деревянные кресты имели форму дерева-круга-креста; таков уникальный Людогосинский крест церкви Флора и Лавра в Великом Новгороде (1359). Крест-кружало из церкви Богоявления (конец XVII в.) – огромный резной запрестольный крест, украшенный росписью и позолотой. Его размеры: 368 × 170 × 47 см, 240 × 170 × 20 см (крест), 128 × 47 см (подставка). Крест из д. Кушкопала (Пинежский район) с символикой древа жизни, вырезанной на его поверхности (середина – конец XIX в.). Иногда основание креста вырезали из цельного ствола лиственницы (д. Козьмогородская, Мезенский район). По информации местных жителей крест в центре д. Едома (Пинежский район; конец XIX в.) был сделан из растущей лиственницы, чем обусловлена его долговечность. В русской традиционной культуре известен обычай – кланяться

^ Рис. 13. Храм Панагии Платаниотиссы в Калаврите (Греция). Из архива автора

^ Рис. 14. Святое дерево с обетными приношениями на дороге в п. Усть-Поча (Плесецкий р-н). Национальный парк «Кенозерский». Фото автора

на все четыре стороны, а в случае опасности очерчивать себя кругом и осенять крестом.

Чудотворный храм Панагии Платаниотиссы в Калаврите (Греция) – это очень маленькая церковь, которая была сформирована в полости огромного исторического старого дерева Платан. Дерево имеет основание около 16 м и высоту 25 м, и со временем оно соединилось с двумя другими деревьями. Это особый и естественный феномен, который возник, когда три платана выросли вместе, близко друг к другу и со временем соединились в одно. Эти деревья верующие считают изображением Святой Троицы, а четыре платана, окружающие их, символизируют четыре Евангелия [12] (рис. 13).

Основой архитектурного устройства и символики деревянного храма северных и арктических территорий (Поморье) являются православие и мифологическое мировоззрение. Это находит подтверждение в организации культурного и сакрального ландшафта, в исторических преданиях и легендах о выборе места для строительства храма (часовни), особый статус «священных» и «природных» роц и деревьев, выбор деревьев для строительства, антропоморфность архитектурного пространства храма, использование отдельных частей деревянного

храма как общественного центра и места проведения древних обрядов (рис. 14).

В этом контексте рассмотрим особую роль трапезной в северных деревянных храмах. Первичное назначение трапезной отражено в самом ее названии: здесь устраивались общественные трапезы, пиры, «братчины», приуроченные к определенным событиям и сопровождавшиеся питьем общественного, так называемого «молебного» пива – остаток древних языческих собраний, воплотившийся на Европейском Севере в народном православии.

Обычай «молебного пива» проводился и у обетных деревянных крестов Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии XVII – XVIII вв. Здесь же совершались обряды, соотносимые с братчиной в православных храмах и часовнях. Крестьяне молились, приносили к кресту свечи, подношения пивом и пищей [13, с. 354] (рис. 15).

Существует корпус исторических преданий и легенд о выборе места для храма на Русском Севере. Часто этот выбор определялся с помощью гаданий. В ритуале использовались живые священные животные (конь) и предметы (дерево, икона, крест, свеча), имевшие сакральный статус в традиционной крестьянской культуре и обладающие высокой степенью семиотичности. Религиозно-мифологическая семантика выбора места строительства храма с помощью священного животного (коня), дерева и иконы отражена в легендах об основании церквей в д. Паданы (Карелия): «...лошадь запрягали на дровни, на дровни клали бревно, ставили икону и пустили лошадь, а где она встала, там и церковь строили». Так же, как и названия деревень, храмаименования отразили становление народного религиозного сознания и миропонимания насельников этих территорий. В исторической памяти местного населения с. Пурнема (Онежский р-н) сохранилась легенда о строительстве храма: «Однажды в Пурнему Никола Чудотворец во льду приехал. Его увезли в Горбатику, и он опять приехал. Икона Николая Чудотворца была в пустом карбасе, выброшенном морем на берег» [14, с. 143]. Поморское побережье имело множество храмов, возведенных в честь Святого Николая, а дни чествования Николы совпадали с народно-хозяйственным и промысловым календарем.

v Рис. 11. Мастер Яков Федосов. Любодогостинский крест церкви Флора и Лавра в Великом Новгороде. 1359. Собрание Новгородского музея-заповедника. Фото автора

v Рис. 12. Запрестольный крест-кружало. XVII в. Ярославль. Из архива автора

^ Рис. 15. Староладожский крест. XVII в. Воспроизводится по В. Б. Панченко

< Рис. 16. Никольская церковь. 1618. С. Пурнема (Онежский р-н). Фото автора

В Поморье к ним приурочивались многие артельные обычаи и праздники. Не случайно поговорка справедливо гласит: кот Холмогор до Колы – тридцать три Николы. Никольская церковь – самый древний деревянный храм беломорского побережья, относится к храмам «восьмерик на четверике» с просторной трапезной и галереей-папертью. В местах перехода четверика в восьмерик установлены изящные декоративные кокошники с прорезными гребнями на коньках килей. Мощный шатер расположен на прочном основании – повалах, рубленых «в ряж». Высота храма 32 м; в настоящее время церковь потеряла 1–2 м высоты. У храма необычный алтарный прируб в форме двускатной кровли с «воротником» из полиц, такой же изящный «воротник» расположен у основания шатра и утраченной колокольни. Храм время от времени используется для богослужения, о чем свидетельствуется его интерьер (рис. 16, 17).

Влияние мифологического мировоззрения русских и православия на архитектурное устройство и знаковость северного деревянного зодчества проявилось в его антропоморфизации. Антропоморфными аналогиями полна архитектурная лексика и терминология деревянной архитектуры, обозначающей те или иные его конструктивные части. Верх православного храма составляли глава и шея. Декоративно-конструктивный элемент кровли церкви, а также кровли над прирубами и алтарем назывался кокошником, который покрывался лемехом по аналогии с традиционным женским головным убором – кокошником, украшенным речным жемчугом (рис. 18).

Фасадную и лицевую часть церкви, терема или избы называли челом, а выпуклую поверхность купола или свода – лбом. В народной пословице проведена вполне оправданная аналогия между бревнами и ребрами: «Церковь не в бревнах, а в ребрах». В любом строении имелись причелины, название происходит от слова «чело», то есть лицо. Термин «наличники» ассоциируется также со словом «лицо»; «очелье» – «очи», окно; лобовая доска – «лоб»; потолок – «череп»; часть дверного полотна, укрепленного в виде шарнира в косяке входного проема – «пята», «стопа». Семантическими эквивалентами слову «чело» являются «лоб», «лобляк», «залобник». Лексика, связанная с народным зодчеством,

указывает на антропоморфность архитектурного облика деревянных построек: сооружение как бы собирается из «крупных», качественно значимых составляющих человеческого тела: голова, шея, лицо, очи, кокошник, лоб, ребро, человеческий бюст и др. Эта традиция сохраняется и укрепляется тем обстоятельством, что с древних времен пропорции человеческого тела выступали как тектоническая (строительная) модель всего архитектурного сооружения (рис. 19, 20).

Культовое деревянное зодчество – своеобразное ответвление русской архитектуры, глубоко самобытное, впитавшее в себя суть мироощущения русского человека, образного видения им окружающего мира, восприятия и понимания красоты – всего того, что в конкретном

< Рис. 17. Икона Св. Николая с житием. XIV–XV вв. Из собрания Новгородского музея-заповедника. Фото автора

в Рис. 18. Никольская церковь. 1636. С. Ворзгоры (Онежский р-н). Фото А. Усова

> Рис. 19. Ансамбль. XVII–XVIII вв. С. Саунино (Каргопольский р-н). Фото Н. Чеснокова. Из архива автора

итоге определяет характер нации, являясь объективным отражением многовековой истории ее развития. Это общенациональная архитектура, которая впитала в себя мировоззрение всех слоев русского общества. Русский Север в истории и современном опыте отечественной культуры – хранитель памятников древней народной культуры, где они создавались на протяжении нескольких столетий в условиях стабильности, патриархального образа жизни и непрерывности художественных традиций. Следуя за мыслью ученого и художника академика И. Э. Грабаря, много сделавшего для открытия и изучения северного деревянного зодчества, о совершенно исключительной архитектурной одаренности русского народа, можно с уверенностью перевести понятие «русский плотник» в категорию «русский зодчий». Именно «культура создает нормальные условия для жизни, и она оправдывает само существование жизни одного человека и жизнь целого народа» (Д. С. Лихачев). Деревянная культовая архитектура, созданная в большинстве случаев неизвестными мастерами на основе общенародных строительных традиций, отражающих коллективную и индивидуальную ментальность, является одной из универсальных доминант культуры этноса. Поскольку северное деревянное зодчество – единственный круг артефактов, сохранившийся в значительном объеме, оно рассматривается как русский культурный код, а Русский Север – как особая территория наследия в аспекте его национальной идентичности.

Прикладная значимость исследования: материалы используются при изучении памятников народного зодчества, при создании экспозиций музеев под открытым небом, национальных парков, исторических поселений, достопримечательных мест. А также для разработки концептуальных предложений и практических рекомендаций по сохранению сельских культурных ландшафтов, поселений, отдельных памятников архитектуры как объектов культурного наследия Русского Севера, Арктики и РФ, для популяризации культурного наследия (рис. 21).

< Рис. 20. Преображенская церковь. 1714. О. Кижы.
Фото автора

> Рис. 21. С. Кижма (Мезенский р-н) – достопримечательное место.
Фото Н. Чеснокова. Из архива автора

Литература

1. Permilovskaya, A. B. Wooden Folk Architecture in Western Russia // HABITAT: Vernacular Architecture for a Changing Planet. (Architectural Encyclopedia) / General Editor: Sandra Piesik. UK, London : Thames & Hudson LTD, 2017. – P. 392–397.
2. Раппопорт, П. А. Древнерусская архитектура. – Санкт-Петербург : Стройиздат, 1993. – 289 с.
3. Красовский, М. В. Деревянное зодчество. – Санкт-Петербург : Сатисъ, 2002. – 383 с.
4. Воронин, Н. Н. Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII вв. – Москва; Ленинград : Соцэкономгиз, 1934. – 131 с.
5. Тиц, А. А. Загадки древнерусского чертежа. – Москва : Стройиздат, 1978. – 151 с.
6. Пермиловская, А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. – Екатеринбург : УрО РАН ; Архангельск : Правда Севера ; Ярославль : ЯГПУ имени К. Д. Ушинского, 2013. – 608 с.
7. Бондаренко, И. А. Теория и история архитектуры : Публикации разных лет. – Санкт-Петербург : Коло, 2017. – 832 с.
8. Цивьян, Т. В. Движение и путь в балканской модели мира: исследования по структуре текста. – Москва : Индрик, 1999. – 375 с.
9. Сказание о построении обывденного храма в Вологде «во избавление от смертной язвы». – Москва, 1893. – 21 с.
10. Топоров, В. Н. Крест // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. Москва : Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 12–14.
11. Фадеева, Т. М. Образ и символ. – Москва : Новалис, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 253 : ил.
12. Чудотворный храм Панагии Платаниотиссы в Калаврите. – URL: <http://www.ilovegreece.ru> (дата обращения: 25.04.2024).
13. Панченко, В. Б. Памятники неизвестной кресторезной мастерской XVII–XVIII вв. Обетные кресты из Староладожского музея // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. – С. 354–367.
14. Матонин, В. Н. «Наше море – наше поле». Социокультурное пространство северной деревни: генезис, структура, семантика. – Архангельск : НПЦ САФУ, 2013. – 334 с.

References

Bondarenko, I. A. (2017). *Teoriya i istoriya arkhitektury: publikatsii raznykh let* [Theory and history of architecture: Publications of different years]. St Petersburg: Kolo.

Chudotvornyy hram Panagii Plataniotissy v Kalavrite [The miraculous temple of Panagia Plataniotissa in Kalavryta]. (2021, July 8). Retrieved April 25, 2024, from <http://www.ilovegreece.ru>

Fadeeva, T. M. (2004). *Obraz i simbol. Universalnyi yazyk simboliki v istorii kultury* [Image and symbol. The universal language of symbolism in the history of culture]. Moscow: Novalis.

Krasovskii, M. V. (2002). *Derevyannoe zodchestvo* [Wooden Architecture]. St Petersburg: Satis.

Matonin, V. N. (2013). “*Nashe more – nashe pole*”. *Sotsiokulturnoe prostranstvo severnoi derevni: genezis, struktura, semantika* [“Our sea is our field.” *Sociocultural space of a northern village: Genesis, structure, semantics*]. Arkhangelsk: NPTs SAFU.

Panchenko, B. V. (2014). *Pamyatniki neizvestnoi krestoreznoi masterskoi XVII–XVIII vv.* [Monuments of an unknown cross-carving workshop of the 17th–18th centuries]. In *Ladoga in the context of history and archeology of Northern Eurasia* (pp. 354–367). St Petersburg: Nestor-Istoriya.

Permilovskaya, A. B. (2013). *Kulturnye smysly narodnoi arkhitektury Russkogo Severa* [Cultural Meanings of the Folk Architecture of the Russian North]. Ekaterinburg: UrO RAN; Arkhangelsk: IPP «Pravda Severa»; Yaroslavl: YaGPU imeni K.D. Ushinskogo.

Permilovskaya, A. B. (2017). *Wooden Folk Architecture in Western Russia*. In S. Piesik (Ed.), *HABITAT: Vernacular Architecture for a Changing Planet* (Architectural Encyclopedia) (pp. 392–397). UK, London: Thames & Hudson LTD.

Rappoport, P.A. (1993). *Drevnerusskaya arkhitektura* [Old Russian architecture]. St Petersburg: Stroizdat.

Skazanie o postroenii obydenного храма v Vologde “vo izbavlenie ot smertnoy yazvy” [The legend about the construction of an ordinary temple in Volodga “for deliverance from the mortal plague”]. (1893). Moscow.

Tits, A. A. (1978). *Zagadki drevnerusskogo chertezha* [Mysteries of ancient Russian drawing]. Moscow: Stroizdat.

Toporov, V. N. (1992). *Krest* [Cross]. In *Myths of nations of the world: Encyclopedia in 2 vols.* (Vol. 2, pp. 12–14). Moscow: Sov. entsikl.

Tsivyan, T. V. (1999). *Dvizhenie i put v balkanskoj modeli mira: issledovaniya po strukture teksta* [Movement and path in the Balkan model of the world: studies on text structure]. Moscow: Indrik.

Voronin, N. N. (1934). *Ocherki po istorii russkogo zodchestva XVI–XVII vv.* [Essays on the history of Russian architecture of the 16th–17th centuries]. Moscow; Leningrad: Sotsekonmiz.